

Ставропольская ПРАВДА

Орган Ставропольского Крайкома и горкома ВКП(б)
и Краевого Совета депутатов трудящихся

№ 101 (2723) Суббота 15 мая 1943 г. Цена 20 коп.

ОТ СОВЕТСКОГО ИНФОРМБЮРО

ВЕЧЕРНЕЕ СООБЩЕНИЕ 14 МАЯ

В течение 14 мая на Кубани, северо-восточнее Новороссийска, наши войска вели огневой бой с противником. На других участках фронта ничего существенного не произошло.

На Кубани, северо-восточнее Новороссийска, наши артиллеристы и минометчики обстреливали укрепления противника. Расчет тяжелого орудия, где командиром был лейтенант Павленко, при прямом попадании снаряда взорвал крупный немецкий склад с боеприпасами. Минометчики под командованием лейтенанта Колменка уничтожили до взвода пехоты и 2 пулемета противника. Летчик-испытатель Михаил Гусев в бой с вражеским бомбардировщиком и дважды таранил немецкий самолет. „Юнкерс-88“ упал на нашей территории. Тов. Михайлов благополучно приземлился на своем аэродроме.

В низовьях Кубани наши отряды отбили несколько контратак противника и уничтожили до 100 гитлеровцев. Захвачено много винтовок, 4 пулемета и лодка с боеприпасами.

В районе Лисичанска наши части вели активные боевые действия и выбили немцев из укрепленных позиций. На поле боя осталось до 200 вражеских трупов. Захвачены 2 миномета, 3 крупнокалиберных пулемета, склад боеприпасов и радиостанция.

Южнее Балаклеи наши бойцы окружили и истребили разведывательную группу противника численностью в 80 человек. Взяты пленные и трофеи.

На Волховском фронте наши части вели обстрел вражеских позиций. Разрушены 20 дзотов и блиндажей, взорваны 3 склада с боеприпасами, уничтожены 3 автомашины и несколько повозок с военными грузами. На одном участке наши разведчики взорвали 3 немецких дзота и захватили 9 пулеметов, 10 автоматов и радиостанцию.

Партизанский отряд, действующий в одном из районов Могилевской области, за последнее время пустил под откос 3 немецких воинских эшелона. Уничтожено 3 паровоза, 52 вагона и платформы.

Другая группа партизан совершила налет на тюрьму и освободила 13 арестованных немцами советских граждан. Подорвали партизанского отряда имени Котовского взорвали поезд противника с горючим. Сгорело 19 цистерн с бензином.

На Кубани на поле боя найдено письмо обер-лейтенанта Ганса Пежа 1-й батареи 31-го немецкого артиллерийского полка обер-лейтенанта Шумф. Биберах в Берлин. „...Я просто не в состоянии описать тебе, что у нас тут произошло. Мы сражались в ближнем бою, и я потерял оружие и 19 человек. Пятая батарея потеряла все свои 4 орудия, 12 человек убитыми и 25 пропавшими без вести. При отступлении пришлось бросить 65 раненых. Все это сплошное идиотство. Наша жизнь не стоит пфеннига. Русские появляются в самых невозможных местах“.

Получено сообщение о новых чудовищных злодеяниях немецко-фашистских извергов. В течение февраля и марта гитлеровцы учинили кровавую расправу над мирными жителями Суражского района, Витебской области. Немцы зверски замучили и расстреляли многих мужчин, женщин и детей. Гитлеровцы насильно угнали на каторжные работы в Германию несколько тысяч взрослых и подростков. Снались от фашистской каторги только те, кто скрылся в лесах.

Иностранцы рабочие, насильно привезенные в Германию, мстят немцам работодателям, ломают оборудование, портят сырье, совершают диверсионные акты. Близ Эссена французы организовали крушение эшелона с горючим. Возникшим пожаром уничтожено 14 железнодорожных цистерн. За один месяц норвежцы и французы, работавшие в Рейском пароходстве, вывели из строя 3 катера и 7 буксиров. В Бремене бельгийская патриотка сожгла военную гостиницу, в которой она работала уборщицей. Гостиница сгорела дотла. Близ Дюссельдорфа югославы и французы потопили немецкий пароход, перевозивший военные грузы.

Нота Народного Комиссара Иностранных Дел тов. В. М. Молотова о массовом насильственном уводе в немецко-фашистское рабство мирных советских граждан и об ответственности за это преступление германских властей и частных лиц, эксплуатирующих подневольный труд советских граждан в Германии

Народный Комиссар Иностранных Дел тов. В. М. Молотов направил 11 мая с. г. всем послам и посланникам стран, с которыми СССР имеет дипломатические отношения, ноту следующего содержания:

„По поручению правительства Союза Советских Социалистических Республик имею честь довести до вашего сведения следующее:

Военные и гражданские власти Советского Союза обнаружили за последние 6 месяцев на территории, освобожденной Красной Армией от немецкой оккупации в ходе зимней кампании 1942—1943 гг., новые доказательства бесчисленных жестоких злодеяний немецких властей над советскими гражданами, насильно угнанными в Германию. По планам и инструкциям гитлеровского правительства и военного командования немецко-фашистские власти повсеместно грабили, истязали, убивали советских граждан, умерщвляли военнопленных, подвергали сплошному разрушению советские города и деревни, уводили в немецкое рабство сотни тысяч советских граждан. Немецко-фашистские зверства, примеры которых уже доводились советским правительством до сведения иностранных правительств, осуществлялись гитлеровцами везде, куда ступала их нога, и имели еще более всеобъемлющий характер, чем об этом можно было судить до изгнания немцев с занимавшейся ими территории.

ПЛАНЫ И ПРИКАЗЫ ГИТЛЕРОВСКИХ ВЛАСТЕЙ О ПОРАБОВЛЕНИИ МИРНЫХ ЖИТЕЛЕЙ ОКУПИРОВАННЫХ СОВЕТСКИХ РАЙОНОВ

Захваченные Красной Армией в штабах разгромленных немецко-фашистских войск документы, а также рассказы и письма советских людей, письма германских солдат и офицеров и их родственников свидетельствуют о том, что превращение многих сотен тысяч советских граждан в рабов, покупку и обмен их на специальных невольничьих рынках в Германии, возведены в систему, регламентированную приказами и распоряжениями германского правительства.

Как явствует из имеющихся в распоряжении Советского правительства документов, еще 7 ноября 1941 года в Берлине состоялось секретное совещание, на котором рейхсмаршал Гитлер дал своим чиновникам указания об использовании советских людей на принудительных работах в Германии. Первое указание гласило: „Русские рабочие доказали свою способность при построении грандиозной русской индустрии. Теперь их следует использовать в Германии... Это является делом соответствующих властей и тайной полиция“ (приложение 1-е к секретному циркуляру

Насильственный увод в Германию, зверская эксплуатация и систематическое истребление поработанных советских мирных жителей занимают особое место в длинной цепи подлых преступлений немецко-фашистских захватчиков и в расчетах их главарей.

Как видно из имеющихся в распоряжении советского правительства документов, насильно угоняя советских мирных граждан в рабство, гитлеровская преступная банда преследует прежде всего цель — восполнить острый недостаток рабочей силы в Германии и высвободить из немецкой промышленности дополнительные людские резервы для сильно потрепанной гитлеровской армии. Немецко-фашистские власти и многие частные лица из гражданского населения Германии, эксплуатирующие подневольный труд советских граждан, поддерживают их всяческими издевательствами, унижением их человеческого достоинства и обрекают на гибель от непосильного рабского труда, голода и истязаний.

Советское правительство считает своим долгом довести до сведения всех народов новые документы и факты о целых тысячах злодеяниях, чинимых немцами над угоняемыми в Германию советскими гражданами, обрабатываемыми в рабство, а также заявить о неминуемом возмездии за все совершенные ими преступления.

1.

№ 42006 — 41 хозяйственного штаба германского командования на Востоке от 4 декабря 1941 года).

В этом же циркуляре (второй раздел приложения) предостерегается, что поработанных советских граждан „следует использовать, главным образом, для дорожного строительства, строительства железных дорог, уборочных работ, разминирования и устройства аэродромов. Следует расформировать немецкие строительные батальоны (например, военно-воздушного флота). Немецкие квалифицированные рабочие должны работать в военной промышленности; они не должны копать землю и разбивать камни, для этого существует русский“.

Русского, — давал указания Гитлер в том же секретном документе (раздел IV, пункт А.4), — необходимо использовать в первую очередь на следующих участках работ:

горное дело, дорожное строительство, военная промышленность (танки, орудия, аппаратура для самолетов), сельское хозяйство, строительство, крупные мастерские, (сапожные мастерские),

специальные команды для срочных непредвиденных работ“.

В названном документе Гитлер в следующих словах подтвердил, что гитлеровская клика нагло попирает элементарные международные нормы и правила, применяемые к гражданскому населению оккупированных территорий: „Использование русских гражданских рабочих“, — говорится в разделе „Б“ секретных указаний, — обращение с ними должны практически ни в чем не отличаться от использования военнопленных и обращения с ними“.

Бесчеловечность режима, установленного немцами фашистами для советских военнопленных, общезвестна.

Наконец, в том же документе Гитлер дал кровавый приказ не щадить советских людей, пригнанных в Германию, и расправляться с ними самым жестоким образом под любым предлогом. Этот приказ, содержащийся в разделе IV, пункта А-7 упомянутого документа, гласит: „При применении мер поддержания порядка решающим соображением являются быстрота и строгость. Должны применяться лишь следующие разновидности наказания, без промежуточных ступеней: лишение питания и смертная казнь решением военно-полевого суда“.

Для проведения в жизнь чудовищной рабовладельческой программы был создан огромный чиновничий аппарат. „Главным полномочным по использованию рабочей силы“ Гитлер назначил приказом от 21 марта 1942 года гаулейтера Фрица Заукеля. Последний 20 апреля 1942 года распустил в строго секретном порядке правительственным и военным органам свою „Программу главного полномочного по использованию рабочей силы“. В этом документе говорится: „Крайне необходимо полностью использовать в оккупированных советских областях имеющиеся людские резервы. Если не удастся добровольно привлечь нужную рабочую силу, то необходимо немедленно приступить к мобилизации или к принудительному подписанию индивидуальных обязательств. Наряду с уже имеющимися военнопленными, находящимися в оккупированных областях, главным образом необходимо мобилизовать гражданских квалифицированных рабочих и работников из советских областей в возрасте старше 16 лет для использования их на работе в Германии“.

В той же „программе“ (раздел „Задачи“, пункт 4) Фриц Заукель заявлял:

(Продолжение см. на 2 стр.)

Нота Народного Комиссара Иностранных Дел тов. В. М. Молотова о массовом насильственном уводе в немецко-фашистское рабство мирных советских граждан и об ответственности за это преступление германских властей и частных лиц, эксплуатирующих подневольный труд советских граждан в Германии

(Продолжение.
Начало см. на 1 стр.)

„Для того, чтобы заметно разгрузить от работы крайнюю занятую немецкую крестьянку, фюрер поручил мне доставить в Германию из восточных областей 400—500 тысяч отборных, здоровых и крепких девушек“.

Агенты Заукеля приступили к учету всего работоспособного населения в оккупированных районах СССР. Взятым на учет гражданам предлагали „добровольно“ выехать на работу в Германию. Но так как добровольцев почти не оказалось, немцы распорядились применить меры насилия. Еще 26 января 1942 года „хозяйственным штаб германского командования на Востоке“ в секретной инструкции (номер БР-98 510-42) требовал:

„Если число добровольцев не оправдает ожиданий, то согласно приказанию во время вербовки следует применять самые строгие меры“.

Подстрекая своих подчиненных, Фриц Заукель телеграфирует им 31 марта 1942 года (за № ФА 5780 28-729) следующий приказ:

„Вербовка, за которую вы отвечаете, должна форсироваться всеми доступными мерами, включая суровое применение принципа принудительности труда“.

„Вербовщики“ работогонца Заукеля изощрялись в разных мерах давления на советских граждан, чтобы завлечь их в немецко-фашистское рабство. Тех, кто не являлся по вызову оккупационных властей, лишили всех средств к существованию. Изголодавшихся людей заманивали на вокзалы под предлогом раздачи хлеба, а затем оцепляли солдатами и под угрозой расстрела грузили в эшелоны. Но и эти меры не помогали. Тогда немецкие власти стали делать разворотку по городам и сельским районам, причем каждый город и район должны были обязательно поставить определенное число жителей для отправки в Германию. Так, по районам оккупированной части Ленинградской области, в частности в районе Пожеледичи, был разослан приказ германской комендатуры следующего содержания:

„Волостным бургомистрам!... Так как со сих пор на работу в Германию являлось очень малое количество людей, то каждый волостной бургомистр должен совместно со старостами деревень поставить еще по 15 и больше человек от каждой волости для работы в Германию. Поставить людей позднее в возрасте от 15 до 50 лет. Этим людям нужно обязательно до 4 июня 1942 года прислать в Пожеледичи. Комендант Пожеледичи“.

В распоряжении Советского правительства имеется полный текст доклада начальни-

ка политической полиции и служб безопасности при руководителе СС в Харькове „О положении вгор. Харькове от 23 июля по 9 сентября 1942 г.“.

„Вербовка рабочей силы, — говорится в этом документе, — доставляет соответствующим учреждениям беспокойство, ибо среди населения наблюдается крайне отрицательное отношение к отправке на работу в Германию. Положение в настоящее время таково, что каждый всеми средствами старается избежать вербовки (притворяется больным, бегут в леса, подкупа-

ют чиновников и т. д.). О добровольной отправке в Германию уже давно не может быть и речи“.

Таким образом, из официальных германских документов явствует, что массовый увод советских граждан в немецкое рабство, с приравнением их к военнопленным, являлся задачей, заранее поставленной гитлеровскими главарями перед немецко-фашистскими оккупационными властями, и что для осуществления этой задачи оккупанты не останавливались на перед каким насилием над советскими гражданами.

II.

НАСИЛЬСТВЕННЫЙ УВОД СОВЕТСКИХ ЛЮДЕЙ В НЕМЕЦКО-ФАШИСТСКОЕ РАБСТВО

Во исполнение злодейских планов гитлеровского правительства немецкие власти организовали массовый увод мирного советского населения в немецкую неволю со всей оккупированной советской территории, уже и не пытаясь соблюдать даже видимость какой-либо „добровольности“. На захватывавшейся немцами советской земле нет буквально ни одного города, ни одного села, ни одного населенного пункта, из которого немецко-фашистские разбойники не угнали бы в рабство значительную часть населения, составляющую в некоторых крупных городах десятки тысяч мужчин, женщин, подростков и детей.

Так, из Кривого Рога немцы насильно увезли свыше 20 тысяч человек, из Курска и прилегающих 9 районов 29 тысяч 381 чел., из Харькова (по официальным германским данным на август 1942 года) свыше 32 тысяч, из Мариуполя—60 тысяч, из Сталина на принудительные работы в Германию был отправлен до июля 1942 года 101 эшелон. Из одного только села Мачинска, Харьковской области, гитлеровцы угнали в немецкое рабство 820 мужчин, женщин и детей. В селе Солдатском, Воронежской области, гитлеровцы собрали из окрестных деревень 11 тысяч человек, среди которых было много женщин, подростков и детей; несколько дней несчастные ютились в конюшнях, сараях, землянках; немские власти морили их голодом и нигде не выпускали, а затем погнали в Германию. В Воронцово-Александровском, Ставропольского края, гитлеровцы накануне своего отступления согнали 800 советских граждан с тем, чтобы насильно отправить их в Германию, но подоспевшие части Красной Армии спасли мирных жителей от страшной участи.

Во всех освобожденных от фашистских захватчиков городах и селах части Красной Армии обнаруживают многочисленные факты массового угона гражданского населения в немецкое рабство.

Имеются признания гитлеровских главарей, дающие некоторое представление о гигантских масштабах небывалого в истории цивилизованных народов пленения и превращения в рабов миллионов мирных жителей. Так, по утверждению гитлеровского сатрапа „рейхскомиссара Украины“ Эриха Коха, опубликованному в январе 1943 года в „Дейче Унтернехтунг“, „в Германию отправлено 710 тысяч украинцев“. По заявлению возглавляемого Заукелем „Управления по использованию рабочей силы“, опубликованному в газете „Минскер вестунг“ 14 января с. г., „за 1942 г. в Германию отправлено около 2 миллионов душ из оккупированных областей на Востоке“.

Как видно из документальных материалов и показаний жителей освобожденных Красной Армией районов, немецко-фашистские власти из месяца в месяц охватывали своей насильственной „вербовкой“ все новые категории населения и в некоторых пунктах, особенно при отступлении, увозили с собой, для отправки в глубокий германский тыл, поголовно все население, способное передвигаться. Если ранее агенты гитлеровских работогонцев стремились отобрать лишь физически наиболее здоровых и выносливых, в возрасте преимущественно от 15 до 45 лет, то за последние месяцы, совпадавшие с проводимой гитлеровцами „тотальной“ (всеобъемлющей) мобилизацией, в рабство увозятся и больные и инвалиды, причем возраст порабоощаемых колеблется уже между 12 и 60 годами. С пришедшей гитлеровцам садистской жестокостью они разбивают при уводе в рабство семьи, разлучая родителей и детей, братьев и сестер, жен и мужей.

Целые города и районы обезлюдели в результате организованного похищения и истребления советских людей гитлеровскими людоедами. Вот некоторые типичные данные по недавно освобожденному Красной Армией Гжат-

скому району, Смоленской области: в этом районе, насчитывавшем до немецкой оккупации 302 тысячи жителей, осталось к моменту прихода Красной Армии около 7 с половиной тысяч человек, причем из деревень Гжатского района в Германию было угнано 5.419 человек, в том числе 624 „работоспособных“ ребенка в возрасте менее 14 лет, а в городе Гжатске, в которм до оккупации было более 13 тысяч жителей, в день освобождения от захватчиков оказались немногим больше 1 тысячи человек—в подавляющем большинстве своем разлученных со своими родителями малолетних детей.

Угону советских людей в немецкую неволю почти повсеместно сопутствуют кровавые репрессии захватчиков против советских граждан, укрывающихся от охотящихся за ними рабовладельцев. Так, в Гжатске немцы расстреляли 75 мирных жителей города, не явившихся на сборный пункт, куда они были вызваны повестками коменданта для отправки в Германию. В Полтаве в конце декабря 1942 года была приготовлена к повешению группа 65 железнодорожников, отказавшихся ехать на гитлеровскую каторгу в Германию. Оккупационные власти приравнивают всех уклоняющихся от „вербовки“ в Германию к партизанам, объявляют их вне „закона“, направляют карательные экспедиции в районы, не выполнившие „разверстки“ по поставке рабов, сжигают целые деревни и расстреливают сотни людей. В деревнях Случичского района в Белоруссии в конце февраля с. г. были вывешены объявления за подписью германского окружного комиссара, в которых говорилось: „Все жители, как мужчины, так и женщины, рождения 1900—1927 гг., должны явиться 2 марта 1943 года в 10 часов утра в уездную управу для освидетельствования и отправки на работу в Германию. Взять с собой одежду, обувь и маршевое питание на 3—4 дня. Кто не явится—будет заповолен в бандагизме и с ним поступит соответствующим образом“. В Белоруссии, в районе Гашпевичи (ого-восточнее Барановичи) немецкая карательная экспедиция сожгла в первой половине марта с. г. десятки деревень и расстреляла сотни жителей, в виде репрессии за неявку жителей для отправки на немецкую каторгу.

Из различных пунктов Литовской и Латвийской ССР сообщают об организованной гитлеровцами охоте на людей, затоняемых как на принудительные работы по строительству укреплений, так и на сборные пункты для отправки в немецкое рабство в Германию и оккупированные ею страны. На строительные оборонительные соору-

жений в Прибалтийских советских республиках мобилизовано свыше 300 тысяч человек, причем против уклоняющихся от занесения в списки так называемого „трудового фронта“ и от отправки в Германию применяются самые жестокие репрессии, вплоть до повешения.

Советские граждане на захваченных немцами территориях все чаще и все организованнее оказывают немецким рабовладельцам и их агентам мужественное сопротивление. Из прибалтийских, украинских, белорусских районов поступают многочисленные сообщения о массовом уходе не только взрослого мужского населения, но и скрывающихся от угона в Германию женщин и подростков—в партизанские отряды, в рядах которых они ограждают свою свободу. Рост партизанского движения в связи с сопротивлением советских людей насильственному уводу их в немецкое рабство с тревогой признается в ряде секретных донесений германских военных и полицейских органов.

Угона советских людей в фашистское рабство, немцы устраивают на них облавы, организуют карательные экспедиции, оцепляют целые районы, города, ловят людей на дорогах, загоняют на сборные пункты. В распоряжении Советского правительства имеются многочисленные материалы, рисующие нечеловеческие условия насильственной отправки советских мирных граждан в Германию в захваченных, охраняемых солдатами или полицейскими вагонами. День и ночь из оккупированных районов Украины, Белоруссии и России идут в Германию эшелоны невольников. Люди грузят как скот по 60—70 человек в один товарный вагон. Обесивших и больных выбрасывают из вагонов под откос, устилают трупами советских людей дороги на запад.

Вырвавшаяся из фашистского плена жительница освобожденного частями Красной Армии города Миллерова Раиса Давыденко рассказывает: „В холодных товарных вагонах было так тесно, что нельзя было даже повернуться. В каждом вагоне ехал надзиратель, который на всякую просьбу отвечал ударом палки. Всею дорою нас морили голодом...“

Колхозница Варвара Бахтина из села Николаевка, Курской области, рассказывает: „В Курске нас впахнули в телатички по 50—60 человек в вагон. Выходить не разрешали. Немецкий часовой то и дело отпущал нам подзатыльники.“

(Продолжение см. на 3 стр.)

Нота Народного Комиссара Иностранных Дел тов. В. М. Молотова о массовом насильственном уводе в немецко-фашистское рабство мирных советских граждан и об ответственности за это преступление германских властей и частных лиц, эксплуатирующих подневольный труд советских граждан в Германии

(Продолжение.
Начало см. на 1 и 2 стр.)

Во Львове нас выслали, здесь мы проходили осмотр специальной комиссии. В присутствии солдат заставляли раздеваться догола, осматривали тело. Чем ближе к Германии, тем все больше пустел наш эшелон. Из Курска взяли 3000 человек, но почти на каждой станции выбрасывали больных и умирающих с голоду людей. В Германии нас заключили в лагерь, где находились советские военнопленные. Это был участок в лесу, обнесенный высокой оградой из колючей проволоки. Через 4 дня нас распределили по местам. Я, моя сестра Валентина и еще 13 девушек попали на военный завод.

Выврившийся 8 октября 1942 года из Германии Белошкурский Владимир Петрович, 1924 года рождения, житель села Средне-Теплое, Верхне-Цыпленковского района, Ворошиловградской области, сообщает: «В пути немецкие солдаты нас избивали. Я видел сам, когда наши подро-

стки выбегали на станциях попить воды, но солдаты их избивали. Избиению подвергались также мобилизованные девушки, их загоняли в вагоны и запирали на замки. Гражданское население Германии оскорбляло нас, сыпало в глаза песок и бросало камнями, а дети дразнили нас словами «русские свиньи». Наш эшелон находился в пути 12 суток. 18 сентября 1942 года мы прибыли в немецкий город Галле. Когда мы прибыли, нас выстроили, пришли немецкие барыни, начали выбирать себе девушек в рабыни».

Таким образом, следует считать установленным, что немецко-фашистские власти, пытаясь заполучить миллионы рабов, применяют по отношению к советскому гражданскому населению зверские насилия, а также передают при отправке захваченных советских граждан в немецкую неволю в такие условия, при которых значительная их часть гибнет уже в пути от голода, побоев и скотских условий перевозки людей в Германию.

III НЕЧЕЛОВЕЧЕСКИЕ МУЧЕНИЯ И ГИБЕЛЬ СОВЕТСКИХ ГРАЖДАН В НЕМЕЦКО-ФАШИСТСКОЙ НЕВОЛЕ

Для сотен тысяч советских граждан, угнанных в Германию, гитлеровские рабладельцы установили еще более ужасные условия каторжного труда, чем в худшие времена древнего рабства. Советские граждане заперты в концентрационные лагеря, огороженные колючей проволокой. Их гонят на работу и возвращают колоннами, под охраной вооруженных гитлеровцев. Советских людей лишали имени, их вызывают по номерам. Русские и украинцы получают специальные опознавательные знаки: первые — знак с белой окантовкой по краям и словом «ОСТ» по середине; вторые — носят такой же знак, с желтой окантовкой. Советские граждане не смеют отлучаться из лагеря. Для советских людей, ввергнутых в рабство, установлен голодный режим. Геринг предписал в своих упомянутых выше указаниях:

«Русский неприхотлив, поэтому его легко прокормить без заметного нарушения нашего продовольственного баланса. Его не следует баловать или приучать к немецкой пище».

В самих фашистских немецких газетах встречаются такие описания положения советских граждан в Германии, как, например, следующее опубликованное во «Франкфуртер цейтунг» 17 апреля 1942 года:

«Рабочие оккупированных советских областей стоят в лагере, огражденном колючей проволокой. Этих людей, привезенных из Харьковского района в Германию, нужно,

разумеется, держать в строгости, смотреть за ними, ибо нет никакой гарантии, что между ними нет большевиков, способных к актам саботажа. Их ближайший начальник... поддерживает авторитет при помощи кнута».

Страшные документы нечеловеческих страданий наших людей на немецкой каторге отражены в письмах к родным.

«Мамочка, — пишет Нона Г. 8 октября 1942 года из немецкого лагеря, — погода здесь плохая, идет все время дождь. Я хожу босая, потому что у меня обуви нет. Хожу, как нищая. Хлеб получаем два раза в день по 100 граммов. Работаем 12 часов в день. Мамочка, тоска ужасная, кроме завода и бараков ничего не знаю. Как приду с работы, упаду на кровать, заплачушь вдоволь, вспомню дом и вас, и с тем засну. За короткое время нашей жизни здесь мы все выбились из сил, недосыпаем, недоедаем. В маленькой комнате нас 16 человек, все украинки и я. Если придется увидиться, то расклинаю все. Но увидиться навряд ли придется, потому что зымовать остаемся в летних бараках из досок. При таком питании, да без сна, да голой и босой не выжить мне. Если можете, не отказывайте в моей просьбе, вышлите чесноку и луку, потому что пища однообразная. У меня уже болит десны» — цитирует Нона Г.

В другом письме, 10 ноября 1942 года, та же советская девушка пишет: «Наша жизнь, мамочка, хуже, чем у собак.

Суп такой же зеленый, который попрежнему никто не ест. У меня от голода иссох мозг, и глаза от слез не видят. Сегодня все 12 часов работала голодная. Но плачь, не плачь, а работать нужно... Какая может быть работа у человека, голодного изо дня в день. Придет начальник или собор сидищая немка подгонит: «Нона, работай шнеллер, шнеллер!» («Нона, быстрее, быстрее работай!»). Дорогая мамочка, как мне тяжело без вас. Я не в силах сдерживать рыдания. Я от обиды плачу. Ой, есть еще и хуже, еще тяжелее, но и не в силах описать. Мы уже привыкли к тому, что в два часа ночи открывается дверь, полиция зажигает огонь и кричит: «Ауф - штайн!». («Вставай!»). Сразу все встаем и выходим во двор. Стоим час. Начинают нас считать. Ждем вторую смену, когда войдет во двор. Замерзаем, пока стоим во дворе. Мыслимо ли — почти босые все. А иной раз проливной дождь идет или мороз. Я просто не в силах всех пережить и мучений описать... Мамочка, я устала. В город нас не отпускают, живем в лесу. Прошлись, что нас переводят на другой завод. Сейчас работаем вместе с украинцами, французами и сербами. Мамочка, если можно, то вышлите посылку — луку и чесноку — у меня цынга. Не откажите в моей просьбе».

Увезенная в Германию девушка Маша Н. из Ворошиловградской области пишет своей матери:

«Здравствуй моя дорогая и любимая мамочка. Пишу тебе письмо четвертое, но ответа нет никакого. Мама, живу я у хозяйки. Семья маленькая: их двое и один ребенок, но работы мне, мама, хватает. Всего 8 комнат и один коридор. Встаю в 5 часов утра, ложусь я в 10 часов ночи. Мама, каждый день стираю утром и вечером. Хозяйка всегда кричит, так я его боюсь, что я ужаснусь и кричу во сне. За все время один раз пустили меня в воскресенье в лагерь к нашим. Я вернулась и опоздала на полчаса. Мама, как меня хозяйка бил по лицу, рвал за волосы, так я всю жизнь не забуду. Мама, заплатили мне за месяц 7 марок и 50 пеннигов. Свое я последнее дотирала, нет ничего у меня ничего. Мама, нам говорили, чтобы мы послали домой письма, чтобы из дому вылази палы, валентины. Прощу тебя, золотая мамочка, будут жаловаться, ничего сюда не шли, все равно не получу. Что мне делать? Домой не отпускают, а больше терпеть нет сил. Каждый день плачу и наврное один выход, покончить свою жизнь. Мама, родная, если хочешь видеть меня живой, выручай меня отсюда из неволи. Дальше я не могу

жить и все это терпеть. Мама, родная, постарайся это сделать. Я тебя отблагодарю, если только буду жива. Ну, мамочка, больше не могу писать, слезы льнут. Целую всех родных. Твоя пока дочь Маша».

Советская девушка Надя Л. пишет из г. Хемница на родину: «Дорогая мама! мы живем в бараке—60 душ, спим на соломе. В этом бараке очень холодно. На работу мы ходим на трикотажную фабрику. Работаем с 6 часов утра до 9 часов вечера, здесь нам дают утром тарелку супу (кипятку) и 50 граммов хлеба, на обед суп без хлеба, на ужин суп без хлеба. А еще на работе дают хлеб—утром 25 граммов и в обед 25 граммов. Папа, дорогая, мама, плоховато, но это ничего, если бы только домой. Письмо мы ваше получили, мама, и плакали. Очень я тоскую, что живу в неволе. Не вижу света, не вижу ничего, кроме своего барака страшного. Нас водят на работу и с работы, как невольников».

Мамя К. пишет родителям: «Мы живем в Германии в городе Бланкенбурге. Работаем у хозяйки 33 человека. Здесь и украинцы, поляки, французы и русские. Кормят нас плохо. Хлеб дают очень мало, работы по горло. За нами смотрит надзиратель. За каждым нашим шагом следят. Никогда ни пускают. Только с работы, да на работу. Работаем по 12 часов, а на работу ходить не в чем. Денег нам не дают. Дорогой папочка, как надоело быть невольниками и работать не зная никого и за что. Да и труд наш не ценят. Нас все преследуют и смеются. Были бы крылышки, прилетела бы на родную сторонку».

Девушка Ф. И. пишет родителям в Курск во время его оккупации немцами: «Мы в Германии заключенные. Нам живется очень плохо. Работаем в поле. Питаемся два раза—утром 200 граммов хлеба и в обед одну миску супа. Работы очень много. Я очень, очень жалею, что уехала в Германию. У нашего хозяйства 28 человек—русские, поляки, французенки. Кроме того, 15 польских девушек у другого хозяйства, только они спят и питаются у нашего хозяйства. Мы с Катей живем вместе, спим на одной кровати. Мамочка, мы работаем в Германии за спасибо. Все свое спускаем, покупаем негде и денег нет. Проработали 4 месяца и ни одной копейки не получили. Живем в тюрьме. Одним словом догадаетесь, как живем».

Из лагеря в гор. Штуттгарте 3 января 1943 года Леонид Л. пишет на родину в гор. Щигры, Курской области: «Здравствуйте дорогие родные, папа мама, Рая, Ваня, и братик Юрий. Первым делом я хочу вам описать свою

жизнь с начала до конца. Дорогие родные, когда мы приехали в Германию, нас сортировали в распределительный лагерь и я с тех пор разбился с сестрой Зоей и до сих пор не видел ее. Милая мама, ходили грязные, не купались по два месяца, кормили вшей. Завод от лагеря 5 километров, а от питания я еле двигаю ноги, так что эта жизнь в Германии останется на всю жизнь в памяти. Если выживу и вернусь домой, то все расскажу, так что у вас, мои родные, станут волосы дыбом. Я уже решил покончить свою жизнь, но воздержался, думаю, придет наше лучшее время. Дорогая мамочка, если бы были у меня крылья, как бы улета отсюда».

17-летняя Нина С. пишет с чувством на родину 18 августа 1942 года: «Дорогие родители папа и мама, я, наконец, в гор. Зонненберге, живу в бараке, работаю на фабрике. Как трудно! Я вовсе похудела. Мамочка, мы живем за решеткой, как тюремные. Я туфли уже разбила и хожу разутая на работу... Как трудно жить! Ой, как я переживу все это...»

Потерявший здоровье на немецкой каторге и вернувшийся на родину Филипп Боцман рассказывает: «Девреня Мироновка должна была поставить для отправки в Германию 20 юншей и девушек. Хватали молодежь на улицах, брали ночью в постель. Дважды мне удалось скрыться, вырваться, на третий раз меня поймали, заперли в вагоне. Вместе с другими я попал в Берлин. В холодную казарму, обнесенную высоким забором, загнали несколько сот человек. Спали на каменном полу. Я попал на трикотажную фабрику, где изготавливали военное обмундирование. Работали здесь французы, военнопленные поляки, испанцы. Подозрительней всего и придирчивей всего относились немецкие мастера и надзиратели к русским. Чуть что — рукоприкладство, ругань. Работали без разгибания спины, молча. Обед тут же, в цеху—миска холодного супа из картофельной шелухи. Хлеба к этому обеду уже не оставалось. Все 300 граммов суррогатного хлеба поедались еще утром. Вечером притягивали обратно в казармы. И так каждый день. Усталость, голод, тоска. Одна девушка из Орловской области, избитая надзирателем, повесилась. Некоторые пытались бежать, но это было трудно — выдать первый же немец, который признает в тебе русского. Для поимки беглецов немцы пользуются собаками. Голод, тяжелый труд подрывали мое здоровье».

(Окончание см. на 4 стр.)

Нота Народного Комиссара Иностранных Дел тов. В. М. Молотова о массовом насильственном уводе в немецко-фашистское рабство мирных советских граждан и об ответственности за это преступление германских властей и частных лиц, эксплуатирующих подневольный труд советских граждан в Германии

(Окончание.)

Начало см. на 1, 2 и 3 стр.)

О нечеловеческих условиях, в которые поставлены преступным гитлеровским правительством советские люди, угнанные в Германию и обреченные им на смерть, свидетельствуют не только многочисленные официальные немецкие приказы и инструкции, письма советских граждан из Германии, но и письма немецких солдат и офицеров германской армии, находящихся на советско-германском фронте.

У убитого, немецкого солдата Вильгельма Бока 221-й немецкой пехотной дивизии найдено письмо от матери из Хемница. В нем говорится:

"Много русских женщин и девушек работают на фабриках "Астра Верке". Их заставляют работать по 14 и более часов в день. Зарплаты они, конечно, никакой не получают. Нароботу и с работы они ходят под конвоем. Русские настолько переутомлены, что буквально валятся с ног. Им часто попадает от охраны палками. Пожаловаться на побои и скверную пищу они не имеют права. Моя соседка на днях приобрела себе работницу. Она внесла в кассу деньги и ей предоставили возможность выбирать по вкусу любую из только что пригнанных сюда женщин из России".

Солдату Эллину Шиллинг пишет Лота Меллер из Пугенгаузена 10 августа 1942 года: "Недавно здесь, в Пугенгаузене, появились русские. Интересная нам предстает жизнь: в одном кармане словарь, а в другом револьвер".

Тысячи советских граждан не выдерживают диких условий рабства. В лагерях царит огромная смертность.

Солдату Отто Теск, 6-й роты, 4-го полка, 32-й немецкой пехотной дивизии пишет Фрида Пути из Гюльце в Альтентрептова, округ Демин, 30 апреля 1942 года:

"... Здесь в среду опять похоронили двух русских. Их теперь здесь на кладбище погребено уже пятеро и двое еще опять при смерти. Да и что им жить, следовало бы их всех перебить..."

Преступное правительство Германии организовало куплю-продажу превращенных в рабов советских граждан. За небольшую плату, не превышающую 10—15 марок за человека, каждый немец может приобрести себе раба. В Германии учреждены невольничьи рынки. Здесь, как во времена рабовладельческого строя, покупатели рабов пробают мускулы на руках и ногах у продаваемых в рабство советских граждан, обменивают изурнованных беспомощных эксплуатацией рабов на более крепких.

Унтер-офицеру Иосифу Виккер, п/п № 261873, его жена Мария Виккер из Ф. анквей-лера пишет: "... Я тебе еще не сообщила о получении последних тобой 100 марок. Я тут же отдала их твоей матери, чтобы она могла купить

пленных. Теперь это не так дорого".

Старшему ефрейтору Францу Кнаппе, п/п № 08999, пишет жена Рут Кнаппе, из Груммы, в Ангальте: "... Украина у меня больше нет... он ничего не хотел слышать и был страшный лентяй. Теперь он у Герберта. Мы хотели посмотреть, не подойдет ли он в более крупном хозяйстве, но и там он то же самое. Я сообщила об этом по телефону в бюро труда. Но когда придет новый транспорт, они мне сказать не могли. Герберт пока его держит, а потом "обменяет его".

В руках рабовладельцев советские граждане подвергаются нечеловеческим жестокостям и эксплуатации. Советские граждане на ночь запираются в холодные кладовые и сараи. Их кормят впроголодь и истязают непосильной работой. Над советскими людьми издеваются, всячески подавляя в них человеческое достоинство. 16-летняя девушка Валя Демущкина возвратилась на родину из Нюрнберга. Она рассказала: "Я работала у немки. Муж ее обер-лейтенант Карл Штокк убит на восточном фронте под Сталинградом. 1 января 1943 года у фрау Штокк на новгородный обед должны были прийти гости. Поглощенная работой и своими невеселыми думами, я не заметила, как закипело и начало литься на электрическую плитку молоко, поставленное кухаркой. По кухне распространились запахи угара. Разъяренная барыня ворвалась в кухню, вырвала из моих рук кастрюлю с остатком молока и плеснула мне в лицо. Я потеряла сознание. Очнувшись в больнице и ощутивла невыносимую боль и мрак. Я ослепла. Три недели пролежала в больнице и потом долго пробиралась обратно на родину".

Нadia С., 16 лет, ученица 9-го класса одной средней школы Ворошиловградской области, пишет: "Немцы насильно отправили почти всю нашу молодежь на каторжные работы в Германию. На вокзал во время отъезда стоял стон и плач. Плакали отъезжающие и провожающие. Меня и еще 16 девушек направили в город Шванц. Здесь происходила самая настоящая торговля русскими людьми. Немцы и немки пиворачивали нас во все стороны, меряли и ошупывали. Меня купил булочник Карл В. Он заставлял меня работать с 6 часов утра до поздней ночи. Хотя я и жила у булочника, но хлеб кушала редко. Каждый день я мыла пол, стирала утром и вечером, нянчила детей, одевала их. Фрау была не очень злая — толкает, упицает или по голове ударит, но не очень больно. Только было обидно, как вспоминать, что училась в восьмом классе, изучала французский язык, историю, а тут сама стала рабыней, как в период римского владычества. От непосильного труда, голода и побоев я заболела. Оправив-

шись немного, я бежала на родину. В Брест-Литовске меня задержали и посадили в концлагерь. В этом лагере, в полуразрушенных сараях, томилась тысяча советских граждан. Ежедневно из лагеря выносили 10—15 трупов..."

Немецкие рабовладельцы часто откровенно хвалятся своими зверствами над советскими людьми. Подрядчик Лоренс Шпеер пишет своему зятю солдату Иосифу Шпееру: "У нас теперь работает украинская девка 19 лет. Буль спокоен — она будет работать. В воскресенье в деревню прибывает еще 20 русских. Я возьму себе несколько штук..." Ефрейтор 7-й немецкой пехотной дивизии Вильгельм Гауermann получил письмо от матери из Швейцарии: "У нас на молочной ферме тоже есть 6 русских. Их на ночь там запирают. Среди них юноши 14—15 лет. Не беспокоя, они смогут работать".

Лейтенант 8-й роты 187-го полка 81-й пехотной дивизии Гергардт Шилетт пишет фрау Сузи Крамер из Телпид Шевау (Судетская область) 12 июля 1942 года: "Нам должны прислать 10 русских в пивоварню. Уж я заставлю поворачиваться эту

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ГЕРМАНСКИХ ВЛАСТЕЙ И ГЕРМАНСКИХ ГРАЖДАН, ВИНОВНЫХ В БЕСЧЕЛОВЕЧНОЙ ЭКСПЛУАТАЦИИ НАСИЛЬНО УВЕДЕННЫХ СОВЕТСКИХ ГРАЖДАН

На основании вышеизложенных и других имеющихся в его распоряжении документальных материалов Советское правительство считает неопровержимо установленным, что гитлеровское правительство Германии, попирая самые элементарные права народов и права человека, совершало и продолжает совершать следующие неслыханные преступления:

путем обмана, угроз и насилия угоняются в рабство в Германию многие сотни тысяч мирных советских граждан, включая детей, подростков и женщин;

для угоняемых мирных граждан устанавливается режим бесправных невольников и непосильного труда;

советские граждане продаются в рабство предприятиям и частным лицам в Германии, подвергаются всяческим унижениям и истязаниям, обрекаются на голод и медленную мучительную смерть;

Советское правительство возлагает, прежде всего, на правящую гитлеровскую клику и на командование немецко-фашистской армии всю полную ответственность за эти подлые преступления, совершаемые в грубое нарушение общепринятых правил ведения войны.

Советское правительство считает также целиком ответственными за перечисленные преступления всех тех гитлеровских чиновников, которые ведают набором, уводом, перевозкой, содержанием в лагерях, продажей в рабство и бесчеловечной эксплуатацией советских мирных

банду. Охотнее всего я бы перебила всех русских".

Тысячи советских граждан, насильно угнанных в немецкое рабство, гибнут от голода, холода, непосильного труда и истязаний. Немало советских граждан, доведенных до отчаяния нечеловеческим обращением рабовладельцев, покончило жизнь самоубийством. В немецких письмах имеется много доказательств того, что нередко советские люди предпочитают смерть рабству у немцев. Вот письмо, найденное у убитого под Ленинградом обер-ефрейтора 405-го полка 121-й пехотной дивизии Рудольфа Ламмермайера. Это письмо написано его матерью из мстечка Людге:

"Вчера днем к нам прибежала Анна-Луиза Ростерт. Она была сильна озлоблена. У них в свинарнике повесились русская девка. Наши работницы-польки говорили, что фрау Ростерт все била и ругала русскую. Она прибыла сюда в апреле и все время ходила в слезах. Покончила с собой, вероятно, в минуту отчаяния. Мы успокаивали фрау Ростерт, можно ведь за недорого купить новую русскую работницу"

IV.

граждан, насильно увезенных из родной страны в Германию. Исходя из этого, Советское правительство считает, что столь же суровую ответственность, как и главарь гитлеровской Германии, должны понести также уже изобличенные преступники, как "главный уполномоченный по использованию рабочей силы" гаулейтер Фриц Зауке и гитлеровские наместники на захваченных советских землях: рейхскомиссар Украины Эрик Кох, рейхскомиссар Остланда (территории Литовской, Латвийской, Эстонской и Белорусской Советских республик) Гейрих Лозе и его помощник — "генеральный комиссар Белоруссии" Вильгельм Кубе, а также главный вдохновитель немецко-фашистских рабовладельцев Альфред Розенберг, занимающий пост "имперского министра по делам оккупирован-

ных восточных областей".

Советское правительство в то же время возлагает полную ответственность и на частных лиц в Германии, которые бесчеловечно эксплуатируют на своих предприятиях или в своем домашнем хозяйстве подневольный труд мирных советских граждан. Эти частные лица должны понести свою ответственность за причиненные ими советским людям бесчисленные лишения и страдания.

Созданная в Советском Союзе Чрезвычайная Государственная Комиссия по расследованию злодеяний немецко-фашистских властей ведет полный и точный учет всех фактов, относящихся к уводу в немецкое рабство советских людей. Чрезвычайная Государственная Комиссия производит также учет тех гитлеровских чиновников и частных лиц в Германии, которые виновны в бесчеловечной эксплуатации и гибели советских граждан в немецко-фашистской неволе.

Советскому правительству и народам СССР хорошо известно, что, наряду с советскими гражданами, миллионы мирных людей из оккупированных гитлеровцами стран Европы силой и обманом загнаны в немецко-фашистское рабство. Под шумиху о пресловутой "тотальной" мобилизации гитлеровцы стараются превратить в своих рабов новые сотни тысяч мирных граждан Польши, Чехословакии, Югославии, Франции, Бельгии, Греции, Норвегии, Голландии, народы которых вместе с народами Советского Союза выдвигают свою общую задачу в скорейшем разгроме гитлеровской Германии и в уничтожении гитлеровского государства, как своего смертельного врага.

Советское правительство выражает уверенность, что все заинтересованные правительства солидарны в том, что гитлеровское правительство и его агенты должны понести полную ответственность и суровое наказание за свои чудовищные преступления, за лишения и муки миллионов мирных граждан, насильственно уводимых в немецко-фашистское рабство.

Примите и пр.

В. МОЛОТОВ

Москва, 11 мая 1943 года.

НАЛЕТЫ НАШЕЙ АВИАЦИИ НА ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНЫЕ УЗЛЫ, СТАНЦИИ И АЭРОДРОМЫ ПРОТИВНИКА

12, 13 и в ночь на 14 мая наша авиация произвела налеты на железнодорожные узлы и станции — Орел, Карачев, Мценск, Волокола, Лозовая, Девальцево и другие. Наши самолеты бомбардировали также железнодорожные эшелоны и автоколонны: пре-Руса-Дно, Новосольники-Себеж, Пустошка-Витебск-Новель, Орел-Глазуновка, Мценск-Орел, Харьков-Белгород, Харьков-Лозовая, Барвенково-Славянск. В результате бомбардировки много паровозов, уничтожено до 300 железнодорожных вагонов и более 200 автомашин с вооружением и военной техникой, взорвано несколько складов с горючим и боеприпасами. Особенно эффективной бомбардировке была подвергнута станция Снежетская (восточнее г. Брянск) и склады боеприпасов противника в районе этой станции. На станции Снежетская наблюдения установились большие пожары и взрывы железнодорожных эшелонов. В распоряжении складов боеприпасов также наблюдались пожары, сопровождавшиеся взрывами большой силы. Одновременно наша авиация произвела налеты на аэродромы противника.

В воздушных боях и на аэродромах уничтожено 72 немецких самолета. С боевых действий не вернулись 23 наших самолета.

Ответственный редактор С. ОГУРЦОВ.